

УДК 94(47).083

А. Д. Камзина

Численный и социальный состав старообрядцев Оренбургской епархии в XIX — начале XX века

Статья посвящена вопросам численности и социального состава оренбургского старообрядчества в XIX — начале XX века. Автор обращает внимание на сложности статистического учёта старообрядчества, объективные и субъективные факторы, влияющие на официальную статистику, разницу в показателях, представленных светскими и церковными властями.

Ключевые слова: старообрядчество, Русская православная церковь, Оренбургская епархия, Оренбургская губерния, статистический учёт, социальный состав.

С момента появления церковного раскола в Российском государстве правительство пыталось выявить и поставить под контроль масштабы его распространения. Официальная власть осуществляла сбор, обработку и анализ количественной информации о состоянии старообрядчества [28, с. 193]. Статистические сведения позволяют определить общую численность староверов (по уездам, в губернии и епархии), их сословную принадлежность, проследить тенденции к изменениям внутри старообрядческих конфессий.

В регионах обязанность вести учёт старообрядцев была возложена на епархиальные и губернские власти. Ведомости о состоянии раскола составлялись отдельно по Оренбургской губернии и по одноимённой епархии. Это обстоятельство позволило, анализируя статистические источники, попытаться создать картину развития старообрядческого движения во второй половине XIX — начале XX века как в губернии, так и в Оренбургской епархии, в состав которой наряду с Оренбургской входили Уральская и Тургайская области.

Впервые сведения о старообрядцах всех возрастов, проживающих в Оренбургской губернии, были собраны по инициативе Преосвященного Августина в 1813 году. При этом содействие оказывали представители гражданской власти. По результатам этой переписи в Оренбургской губернии раскольников насчитывалось не менее 1,5 тыс. человек, что, безусловно, не отражало реальной картины распространения раскола в крае [38, с. 165]. Жизнь старообрядцев постоянно находилась под наблюдением светских властей. Ежегодно оренбургские губернаторы включали в свои отчёты сведения о состоянии раскола, которые носили обобщающий характер. В губернаторских отчётах специально был введён подпункт «Раскол», где фиксировались результаты этого контроля.

Информация о состоянии раскола в Оренбургской губернии составлялась на основе данных полиции и епархиального начальства. Составители отчётов, не вникая в особенности догматической и обрядовой стороны старообрядческих толков, традиционно выделяли следующие направления: «приемлющих священство»; беспоповцев, «признающих браки и молящихся за царя»; беспоповцев, «не признающих браки и не молящихся за царя», молокан. Последние две категории были определены как «особо вредные секты». Таким образом, в годовых отчётах понятия «раскольничество» и «сектантство» звучали как синонимы.

В отчётах формировалась география старообрядческого населения в Оренбургской губернии. Оренбургский, Челябинский, Троицкий и Белебеевский (до административного раздела губернии в 1865 г.) уезды были обозначены как «наиболее заражённые расколом» [37, л. 182].

© Камзина А. Д., 2013

Для исследователя особый интерес представляют ежегодные статистические данные о численности старообрядцев по городам и уездам губернии, которые приводились в Ведомости под № 25 «О раскольниках по различным их толкам» Приложения. Однако в процессе обработки цифрового материала выявляется проблема достоверности этих данных. В ходе работы с источником необходимо учесть, с одной стороны, определённую степень заинтересованности составителей отчётов в заниженных показателях. Поэтому в документации нередко фиксировались вымышленные цифры, никак не отражающие реального состояния дел. С другой стороны, власти испытывали объективные трудности сбора информации, на которые указывает сам источник: тайная приверженность старой вере, запись старообрядцев в православные метрические книги также не позволяли включать их в указанные ведомости.

В то же время, согласно отдельным предписаниям МВД, местные губернские власти представляли более подробную информацию о состоянии и развитии старообрядчества. Ещё в 1853 г. министром внутренних дел было предписано губернатору В. А. Перовскому собрать в условиях глубокой конфиденциальности подробные сведения о состоянии раскола в Оренбургской и Самарской губерниях [38, с. 617]. Однако из-за отсутствия опытных чиновников в этой области и денежных средств данные так и не были собраны.

В 1865 году МВД с целью наиболее точного определения численности старообрядцев, находящихся на территории Российской империи, предписало всем губернаторам составить карту своей губернии с отмеченными на ней местами проживания староверов. Циркуляром от 1868 года МВД потребовало дополнительных сведений о реальном движении раскола в губернии, его усилении или ослаблении и причинах этого, о деятельности «расколоучителей» и степени их влияния на «раскольников» и православных [8, л. 1]. Информация собиралась местными уездными исправниками в строгой секретности, согласно предписанию циркуляра. Данные, полученные в результате проведённых расследований, свидетельствовали о неуклонном росте числа старообрядцев в Оренбургской губернии. Так, с 1865 по 1869 г. количество старообрядцев увеличилось на 4675 человек и составило 17 846 душ обоего пола [8, л. 94].

Согласно официальной статистике, численность старообрядцев росла из года в год.

На основе архивных данных мы можем проследить количественный рост последователей поповского и беспоповского течений в Оренбургской губернии за отдельные годы. Сравнительный анализ численности старообрядцев по основным направлениям позволяет воссоздать более полную картину старообрядческого населения Оренбургской губернии (табл. 1).

Таблица 1

Численность последователей старообрядческих согласий в Оренбургской губернии в начале второй половины XIX в., чел.

Год	Поповские согласия		Беспоповские согласия			
			Приемлющие браки и молящиеся за царя		Не приемлющие браки и не молящиеся за царя	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
1857	4279	4967	2790	3138	219	172
	9246 (60%)		5869 (38%)		391 (2%)	
1860	3899	4509	2835	3116	419	484
	8 408 (55%)		5 951 (39%)		903 (6%)	
1862	4448	4717	2904	3138	976	1159
	9165 (53%)		6042 (35%)		2135 (12%)	
1865	3128	3365	2 936	3 145	284	314
	6493 (49%)		6081 (46%)		598 (5%)	

Источник: РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 1389. Л. 5; ЦГИАРБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 71. Л. 21; ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 2.

Судя по данным таблицы 1, в начале исследуемого периода численность старообрядцев-поповцев была доминирующей и составляла более 50% от общего количества старообрядцев. К 1865 г. увеличилось число последователей беспоповских согласий как за счет естественного роста, перехода ряда поповских общин на беспоповские позиции, так и появления новых беспоповских толков (митрофановский, никудышнический) на территории Оренбургской губернии. Наиболее радикальные беспоповские старообрядческие согласия, которые обозначены как «не приемлющие браки и не молящиеся за царя», на фоне своего общего увеличения крайне незначительны по сравнению с остальными направлениями. Однако необходимо учитывать, что категория «не приемлющих браки и не молящихся за царя» включала и последователей сектантства.

Анализ данных позволяет определить динамику движения оренбургского старообрядчества. Уменьшение численности старообрядческого населения в 1865 г. (13 172 чел.) в сравнении с 1862 г. (17 342 чел.) произошло в результате выделения в 1865 г. Уфимского, Белебеевского, Стерлитамакского, Бирского, Мензелинского, Златоустовского уездов Оренбургской губернии, где проживала значительная часть старообрядцев, в самостоятельную Уфимскую губернию.

В начале XX в. наблюдалось увеличение численности последователей старообрядчества, а именно беспоповских согласий и толков (табл. 2).

Таблица 2

Численность последователей старообрядческих согласий и толков в Оренбургской губернии в начале XX в., чел.

Год	Поповские согласия		Беспоповские согласия	
	Численность	Процент	Численность	Процент
1901	7 537	34%	14 680	66%
1909	9 704	26%	27 888	74%
1912	13 638	27%	37 472	73%

Источник: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 773. Л. 2; Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.). Б. м., б. г. С. 1.

В начале XX в. на фоне количественного роста старообрядческого населения число беспоповцев почти в 2,5 раза превысило численность поповцев и в среднем составило около 71%, тогда как в начале второй половины XIX в. разница в численности последователей беспоповских и поповских согласий была незначительной. Можно предположить, что дальнейшее увеличение последователей беспоповских согласий происходило вследствие совокупного действия следующих факторов: естественного воспроизводства, переселения крестьянского населения из соседних губерний, активизации миссионерской деятельности беспоповских начетчиков.

Преобладающее количество старообрядческого населения было сконцентрировано в уездах Оренбургской губернии. Число старообрядцев, проживающих в уездных городах, было небольшим. Так, например, в городе Оренбурге население состояло из последователей разных конфессий, в том числе и старообрядчества. В 1875 г., по данным переписи населения г. Оренбурга по вероисповеданиям, староверы составили 2% (или 859 чел.) от общего количества горожан. В Форштадте, где проживало преимущественно казачье население, — около 4% [30, с. 15]. В 1888 г. староверы Оренбурга составили уже 3% городского населения [20, л. 32—33]. Рост числа старообрядцев в городе происходил в результате естественного увеличения населения, а также переезда жителей из других местностей. Старообрядчество здесь было представлено самыми разными согласиями и толками поповского и беспоповского направлений: поморским, федосеевским, никудышническим, рябиновским, беглопоповским, «австрийским» [24, с. 15]. В таблице 3 мы объединили количество последователей двух основных старообрядческих направлений за отдельные годы.

Таблица 3

Численность последователей старообрядческих согласий в г. Оренбурге за 1834—1865 гг., чел.

Год	Поповские согласия		Беспоповские согласия		Итого
	м	ж	м	ж	
1834	4	20	6	36	66
1843	4	3	42	37	86
1849	25	37	27	31	120
1851	27	31	23	29	110
1862	93	71	66	46	276
1865	80	41	89	71	281

Источник: ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10989/9. Л. 28; ЦГИАРБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 339. Л. 124; ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 83.

В Оренбурге на фоне стабильного роста старообрядческого населения наблюдаются незначительные колебания в сторону увеличения или уменьшения количества поповцев и беспоповцев. На наш взгляд, одна из причин этого явления заключается в подвижности старообрядческой среды, переходах староверов из одного согласия в другое.

В 1913 г. численность старообрядцев в г. Оренбурге составила 2741 человек обоего пола [19, л. 66].

Чтобы выявить распределение старообрядцев по уездам Оренбургской губернии, мы проанализировали состояние населения в 1867 г. и 1913 г. (рис. 1).

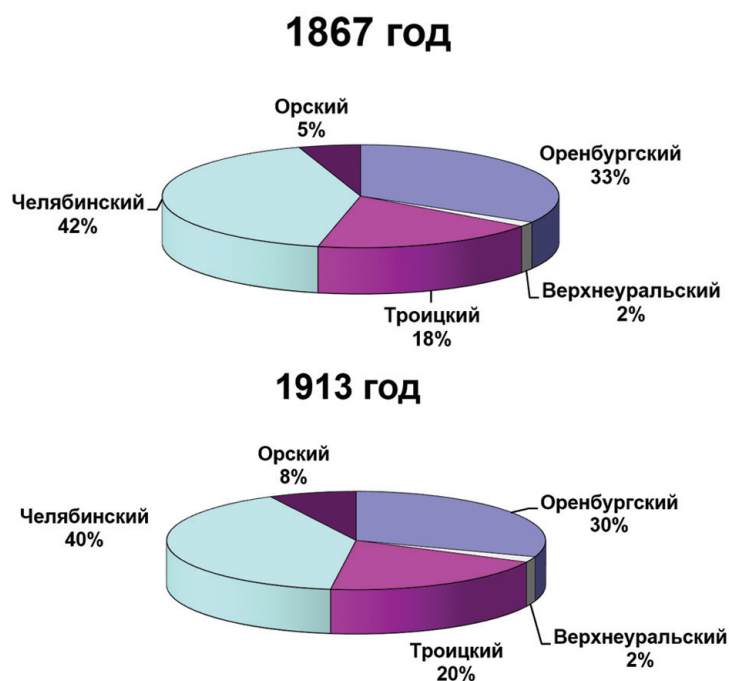

Рис. 1. Концентрация старообрядческого населения по уездам Оренбургской губернии

Источник: ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 50. Л. 5—10; Ф. 164. Оп. 1. Д. 218. Л. 3

Наибольшая концентрация старообрядческого населения в 1867 г. наблюдалась в Челябинском, Троицком и Оренбургском уездах, причём на Челябинский уезд приходилось максимальное число старообрядцев (42%). В 1913 г. ситуация практически не изменилась. За указанными уездами сохранилось лидирующее положение. Незначительно, на несколько процентов, за счёт естественного роста и крестьянских переселений увеличилась численность старообрядцев в Орском и Верхнеуральском уездах. На наш взгляд, данное распределение старообрядческого населения в уездах Оренбургской губернии

связано как со спецификой заселения на начальном этапе исследуемого региона, так и с дальнейшими колонизационными процессами и особенностями географического положения административных единиц.

Значительную долю старообрядцев в Челябинском уезде гражданские власти объясняли его географическими особенностями. Этот уезд являлся узловым для беглых людей из Сибири в Россию, в том числе преследуемых за религиозные убеждения: «Между беглыми странниками много ревнителей старообрядчества, деятельно занимающихся пропагандой раскола» [8, л. 52]. Влияние оказала также близость с Пермскими и Тобольскими уездами, где население давно уже было «заражено» расколом. В Троицком уезде с начала его освоения значительная часть горнозаводского населения придерживалась «старой веры».

По официальным данным на 1897 г. число старообрядцев в процентном соотношении к общему количеству населения в Оренбургской губернии составило 3,08%, православных и единоверцев — 73,56%, мусульман — 22,66% [32, с. 2]. В соседней Уфимской губернии старообрядцев насчитывалось до 1,54%, православных и единоверцев 43,65%, мусульман 50,03% [32, с. 3].

Таким образом, православие и ислам были ведущими конфессиями на территории Оренбургской губернии. С момента появления в крае они стали определять религиозную жизнь исследуемого региона. При этом среди православных по численности доминировали последователи официально-государственного православия. Старообрядчество занимало третье место после православных и мусульман и почти вдвое превышало количество старообрядческого населения в Уфимской губернии.

На территории Оренбургской епархии учёт и контроль за старообрядцами осуществляли духовные власти. В 1848 г. Оренбургская духовная консистория предписала священникам ежегодно собирать данные о раскольниках, в которых фиксировалась информация об общем количестве старообрядцев в приходе, его возможном уменьшении или увеличении, в том числе за счёт перехода в другие конфессии, принадлежности старообрядцев к конкретному согласию [12, л. 1—2.]. Это позволило бы епархиальным властям создать общую картину о количестве приходов, заражённых расколом, и сформировать представление о существующих в епархии старообрядческих согласиях, выявить динамику роста или убывания старообрядческого населения, в том числе и за счёт миссионерских усилий местных священников. Однако официальные сведения духовных властей, на наш взгляд, не отличались достоверностью и объективностью. На всех уровнях церковной иерархии, от приходского священника до епархиального архиерея, были заинтересованы в наглядном сокращении численности раскольников, поэтому, как отмечал оренбургский губернатор, иногда записывали людей православными, в то время как они «издавна принадлежали расколу» [18, л. 7].

Как указывали некоторые исследователи, старообрядцы являлись одной из важнейших статей дохода домашнего бюджета местных священников [26, с. 3; 23, с. 130]. За возможность тайно исповедовать старую веру старообрядцы давали взятки приходским священникам. Поэтому губернские власти отдавали предпочтение официальным сведениям, собранным уездными исправниками. Прямо не называя причин заниженной статистики духовных властей, они отмечали лишь то, что полицейские имели больше возможностей по сбору сведений, чем священники [8, л. 94 об.].

На наш взгляд, одной из причин явного расхождения показателей официальной статистики и реального количества старообрядцев было то, что староверы сами не желали открыто заявлять о своей религиозной принадлежности из опасений преследований как со стороны духовной, так и гражданской власти.

Мы сопоставили имеющиеся у нас данные о состоянии раскола по Оренбургской губернии за 1865—1869 годы, которые были представлены уездными исправниками и духовной консисторией, в таблице 4.

Таблица 4

Численность старообрядцев в Оренбургской губернии в 1865—1869 гг. по сведениям местных гражданских и духовных властей, чел.

Год	Оренбургская духовная консистория	Уездные исправники
1865	10 831	13 238
1866	15 640	16 221
1867	11 563*	17 169
1869	16 617	17 846

Источник: ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 97. Л. 70—72.

* Данные за 1867 год Оренбургской духовной консистории неточные, в отчёт не были включены сведения о старообрядцах Челябинского и Орского уездов.

Как видно из таблицы 4, цифровые показатели духовной консистории и представителей гражданской власти отличаются друг от друга. Разница численности старообрядцев за один и тот же год составляет несколько тысяч. Данные уездных исправников носили более объективный характер, но и они не отражали реальной численности оренбургского старообрядчества.

Статистические сведения о расколе в Оренбургской епархии несли в себе массу ошибок, необъективности и нюансов. О состоянии раскола в Оренбургской епархии духовными властями составлялись разные ведомости. Сведения о староверах по отдельным приходам впервые вносились в установленные в 1864—1865 гг. Оренбургским Преосвященным Валаамом «церковно-приходские летописи» [1, с. 4]. Основной учёт старообрядцев в приходах епархии осуществляли посредством так называемых исповедных росписей. Те, кто в течение длительного времени не был у исповеди и причастия, отмечались как «склонные к расколу», или как раскольники. После объявления свободы вероисповедания в 1905 г. исповедные росписи стали вестись без учёта старообрядцев. Это, по мнению епархиальных архиереев, затрудняло и без того достаточно сложный процесс подсчёта приверженцев раскола в губернии [17, л. 35 об.]. В 1912 г. Оренбургский Епархиальный миссионерский совет по результатам отчётов миссионеров просил распоряжения Оренбургской духовной консистории о том, чтобы приходские священники при составлении статистических ведомостей о раскольниках «собирали... точные сведения... и давали миссионерскому совету правильные, а не **вымышленные цифры**» [14, л. 1].

На существенные недостатки методов сбора информации о старообрядцах указывали сами Оренбургские Преосвященные. Они относили к ним отсутствие сведений о принадлежности староверов к конкретному толку, существенные расхождения в показателях Епархиального миссионерского совета и Центрального статистического комитета МВД. К тому же из-за обширности епархии некоторые деревни и хутора вовсе не были причислены ни к одному приходу, а значит, не входили в статистические ведомости [17, л. 35 об.].

Епархиальный архиерей, представляя цифры в Святейший Синод, так же как и губернатор, был заинтересован в невысоких показателях численности старообрядчества по епархии, что косвенно свидетельствовало бы об активной и успешной миссионерской деятельности местного духовенства в раскольнической среде. Несмотря на то что статистические сведения о старообрядцах не отражали реальных масштабов распространения раскола, они представляют собой уникальный источник информации по истории и развитию староверия в России вообще и в Оренбургской епархии в частности.

К 1866 г. утвердившиеся границы Оренбургской епархии включали собственно Оренбургскую губернию, Уральскую область с четырьмя уездами и Тургайскую область. На

территории указанных областей действовали многочисленные старообрядческие общины. Таблица 5 наглядно иллюстрирует распределение старообрядческого населения по отдельным районам Оренбургской епархии.

Таблица 5

Распределение численности старообрядцев по областям Оренбургской епархии в конце XIX — начале XX века

Год	Оренбургская губерния	Уральская область	Тургайская область
1897	48 583	65 552	124
1901	49 264	55 655	155
1912	52 552	—	1333

Источник: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 773. Л. 1; Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.). Б. м., б. г. С. 2; Чернавский Н. Оренбургская епархия в её прошлом и настоящем // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. 7. С. 269.

По данным таблицы 5, более половины от общего числа старообрядцев Оренбургской епархии находилось в Уральской области, население которой преимущественно составляли уральские казаки, традиционно придерживающиеся старообрядчества. Значительная доля старообрядческого населения, которое формировалось с момента начала освоения края, проживала в Оренбургской губернии. В Тургайской области имелось небольшое количество старообрядцев. Увеличение численности раскольников в 1912 г. связано с начавшимся переселением на свободные земли области жителей из других губерний, преимущественно сектантов, а не старообрядцев. Однако власти между ними не делали существенного различия и фиксировали в одни ведомости.

Сведения об общей численности старообрядческого населения в Оренбургской епархии в начале XX в. представлены в таблице 6.

Таблица 6

Численность старообрядцев в Оренбургской епархии, чел.

Год	Оренбургская епархия
1897	114 259
1901	105 000
1902	92 140
1905	91 828
1910	33 668
1912	53 885
1916	48 127

Источник: ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10575. Л. 33 об.; ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 243. Л. 69; Миссионерский календарь на 1902 г. СПб., 1902. С. 81; Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.) Б. м., б. г. С. 2.

Из таблицы 6 видно, что для показателей характерны резкие перепады численности, тенденция к уменьшению числа старообрядческого населения на отдельных хронологических этапах. Снижение числа старообрядцев в 1910 г. в сравнении с 1905 г. объясняется изменениями церковно-административных границ Оренбургской епархии. В 1908 г. из её состава была удалена Уральская область и закреплена за Самарской епархией. При составлении таблицы мы использовали разнообразные источники как светского, так и церковного происхождения. Это объясняет разницу в цифрах и подтверждает наше предположение о заниженных показателях именно церковных властей. Так, данные за 1902, 1905, 1910, 1916 гг. взяты из епархиальных отчётов Преосвященных, отчётов Обер-прокурора, Епархиального противораскольнического миссионерского комитета. Цифры за 1897, 1901 и 1912 гг. собраны и представлены Статистическим комитетом МВД. Они отличаются более высокими показателями.

Социальная структура оренбургского старообрядчества была неоднородной. Принадлежность оренбургских старообрядцев к разным сословиям обуславливалась, по мнению Е. С. Данилко, «спецификой экономического и исторического развития южноуральского региона» [21, с. 39; 22, с. 135]. В процессе формирования старообрядческого населения на разных этапах ведущую роль играло сначала казачество, затем горнозаводские рабочие, крестьянство, купечество. Для официальных властей одним из параметров, характеризующих состояние развития раскола, было определение его социального состава.

Во второй половине XIX в. старообрядчество продолжает оставаться явлением многочисленным и распространённым в казачьей среде. О старообрядчестве в УКВ и в ОКВ источники того периода указывали: «Известно, что вся Уральская область состоит из казаков-староверов, в ОКВ раскол также весьма распространён, и нередко по целой линии все станицы и посёлки состоят из раскольников» [26, с. 23].

Наблюдение за жизнью старообрядцев, проживающих на землях ОКВ и УКВ, сбор статистических сведений о них осуществляли поселковые и станичные атаманы. В дальнейшем отчёты о движении раскола, согласно ст. 67 XIV тома Свода Законов, подавали местным исправникам [11, л. 8]. Ведомости о принадлежности старообрядцев разного рода согласиям и сословиям входили в ежегодный отчёт наказных атаманов о состоянии ОКВ и УКВ. В таблице 7 мы объединили выявленные за отдельные годы данные о конфессиональном составе старообрядцев ОКВ во второй половине XIX — начале XX в.

Таблица 7

Старообрядцы в Оренбургском казачьем войске, чел.

Год	Уезд/отдел	Поповские согласия		Беспоповские согласия				Всего
				Приемлющие браки и молящиеся за царя		Не приемлющие браки и не молящиеся за царя		
				М	Ж	М	Ж	
1867	Троицкий	1136	1189	231	270	92	95	3013
	Орский	—	—	31	28	—	—	59
	Верхнеуральский	3	—	25	22	1	—	51
	Челябинский	731	816	36	46	—	—	1629
	Оренбургский	643	620	84	73	—	—	1420
	Итого	5138		1034				6172
1869	Троицкий	1242	1310	61	63	—	—	2676
	Орский	—	—	20	24	21	26	97
	Верхнеуральский	38	33	9	7	5	4	96
	Челябинский	740	823	54	64	—	—	1681
	Оренбургский	922	862	642	836	—	—	3262
	Итого	5970		2870				7812
1871	Троицкий	1479	1585	66	63	—	—	3193
	Орский	—	—	28	18	18	19	83
	Верхнеуральский	42	34	33	27	4	3	143
	Челябинский	742	829	55	65	—	—	1691
	Оренбургский	1023	892	794	872	—	—	3581
	Итого	6626		2065				8691
1872	Троицкий	1442	1556	169	174	—	—	3341
	Орский	2	—	38	28	18	19	105
	Верхнеуральский	30	9	34	25	10	4	112
	Челябинский	120	108	688	788	—	—	1704
	Оренбургский	1158	1241	562	627	11	14	3613
	Итого	5666		3209				8875

Продолжение табл. 7

Год	Уезд/отдел	Поповские согласия		Беспоповские согласия				Всего
				Приемлющие браки и молящиеся за царя		Не приемлющие браки и не молящиеся за царя		
				М	Ж	М	Ж	
1876	Троицкий	—	—	126	137	1696	1742	3701
	Орский	—	—	94	93	—	—	187
	Верхнеуральский	36	9	39	35	1*	—	120
	Челябинский	891		991				1882
	Оренбургский	1174	1335	590	536	—	—	3635
	Итого	3445		6147				9525
1889	1 отдел	704		7014				7718
	2 отдел	597		1651				2248
	3 отдел	454		7166				7620
	Итого	1755		15 831				17 586
1895	1 отдел	6976		640				7616
	2 отдел	—		2212				2212
	3 отдел	638		6591				7229
	Итого	7614		9443				17 057
1907	1 отдел	9272		629				9901
	2 отдел	98		2588				2686
	3 отдел	161		10 668				10 829
	Итого	9531		13 885				23 416
1909	1 отдел	9607		754				10 361
	2 отдел	137		2866				3003
	3 отдел	1536		10 965				12 501
	Итого	11 280		14 585				25 865

Источник: ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 87, 106, 120, 160.

* В ведомости не учтено 67 уральских казаков, высланных в Верхнеуральский уезд под надзор полиции.

В целом старообрядческое население, проживающее на землях Оренбургского казачьего войска, проявляло стабильную тенденцию к своему росту. Увеличение численности старообрядцев происходило в основном за счёт естественного фактора, переселений в результате замужества, перевода на новое местожительство, переходов в старообрядчество из других конфессий. Причина резкого увеличения в 1895 г. количества поповцев в 1 отделе по сравнению с предшествующим годом и уменьшения числа беспоповцев соответственно заключается в ошибке самих составителей отчётов, которые не проводили для себя чёткого различия между этими направлениями [7, л. 186 об.]. Вследствие некомпетентности местных властей до 1895 г. значительная часть поповцев в 1 отделе фигурировала в графе «беспоповцы».

Архивные документы свидетельствуют, что наибольшее количество старообрядцев проживало в Рассыпной, Буранной, Оренбургской, Сакмарской станицах Оренбургского уезда; отряде Уштаганском 1 Кундравинского станичного юрта, станице Коельской, отряде Таиндинском 2 Коельского юрта, Уйском станичном юрте Троицкого уезда; станицах Челябинской, Еткульской, Долгодеревенской Челябинского уезда, станице Магнитная Верхнеуральского уезда, станице Ильинской Орского уезда [15, л. 7 об.]. Связано это было с тем, что в числе первооснователей этих населённых пунктов были старообрядцы.

Так, например, станица Буранная основана в 1820 г. донскими казаками-старообрядцами, выселенными правительством в Оренбургский край за неповиновение.

В начале второй половины XIX в. официальные статистические сведения свидетельствовали о преобладающей численности последователей поповских согласий среди староверческого населения ОКВ. Однако к началу XX в. ситуация изменяется в пользу беспоповских согласий и толков. Так, если в 1867 г. поповцев было больше почти в 4,5 раза, то в 1909 г. число беспоповцев увеличилось более чем на 3 тысячи. Это могло быть связано как с усилением в этот период миссионерской деятельности беспоповцев и переходом ряда поповских общин на позиции беспоповства, так и результатом переселений последователей беспоповщины из соседних областей.

Как и в Оренбургской губернии, аналогичная картина наблюдалась в землях ОКВ: в Троицком, Челябинском, Оренбургском уездах наблюдалась наибольшая концентрация старообрядческого населения. В 1868 г. императорским указом казачьи округа преобразовали в военные отделы. Было создано три военных отдела: 1 отдел (Оренбургский), 2 отдел (Верхнеуральский) и 3 отдел (Троицкий). Наибольшее число старообрядцев наблюдалось в 1 и 3 отделах. Причём в 1 отделе (Оренбургском) жили в основном последователи поповских согласий. Во 2 (Верхнеуральском) и 3 (Троицком) отделах — преимущественно старообрядцы-беспоповцы. В 1 отделе, который охватывал земли Оренбургского и Орского уездов, традиционно сильными были позиции поповства. На оренбургских казаков оказывали влияние уральские казаки, которые принадлежали в основном к согласиям и толкам, приемлющим священство. Из поповских согласий самыми распространёнными являлись беглопоповщина и церковь Белокриницкой иерархии.

2 и 3 отдела включали земли Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов, где традиционно были сильны беспоповские согласия поморцев, часовенных и т.д. Сказывалась также близость казачьих поселков с крестьянскими селениями, также по преимуществу беспоповскими. Старообрядцы, которые отрицали браки и не творили молитву за царя, составляли самую маленькую долю от всех согласий в ОКВ. Они населяли преимущественно Орский и Верхнеуральский уезды.

В Уральской области большинство старообрядцев проживало в г. Уральске, Уральском и Калмыковском уездах [5, л. 95]. Причём старообрядческое население по сравнению с православным здесь было преобладающим. В 1876 г. в ОКВ на долю старообрядцев приходилось 44%, а православных — только 7% [6, л. 12].

Что касается распределения старообрядцев ОКВ и УКВ по сословиям, то основную массу старообрядческого населения составляли лица простого казачьего звания. Число дворян, придерживающихся раскола, было незначительным. Так, в 1876 г. в процентном соотношении в ОКВ дворяне составили лишь 1% от общего количества старообрядцев, казаки — 98% [10, л. 182]. В УКВ казаков — 99%, дворян — 0,22%, других сословий — 0,5% [6, л. 12 об.]. В 1895 г. в Оренбургском войске показатели распределились следующим образом: дворян — 0,01%, казаков — 97%, мещан и крестьян — 2,99% [4, с. 6]. Таким образом, в ОКВ налицо сокращение количества старообрядцев из числа высших сословий. Вместе с тем увеличилась численность старообрядцев, не относящихся к военному сословию, преимущественно из мещан и крестьян. Всего в 1895 г. к общему количеству населения Оренбургского войска старообрядцы составили 4%, или 17 505 человек [7, л. 186].

Цифры, использованные нами из официальной статистики по Оренбургскому и Уральскому войскам, как и в случае с губернскими и епархиальными сведениями, также весьма условны. Сами наказные атаманы отмечали недостатки в процессе составления ведомостей о движении раскола. Станичные и поселковые атаманы не были компетентны в области знания специфики религиозных конфессий. Поэтому в ходе составления

сводных ведомостей они допускали ошибки при отнесении старообрядцев к той или иной группе согласий.

Преосвященные, характеризуя местную паству, негативно отзывались о состоянии казачьих приходов Оренбургского и Уральского войск, отмечая общий низкий уровень религиозности, что выражалось прежде всего в редком посещении храма и приобщении Святых Даров [16, л. 39 об.]. Это позволяет предположить, что причинами данного явления могли быть как субъективные факторы — скрытая приверженность многих казаков расколу, усилившаяся проповедническая деятельность старообрядческих начётчиков на фоне падающего авторитета приходских священников, так и объективные — особенности военной службы, командировки и походы казаков. К числу субъективных факторов можно отнести и вклад женщин-старообрядок в развитие раскола. В казачьих семьях старообрядцев особую важность приобретала роль женщины не только как хранительницы домашнего очага, но и как хранительницы основ древлеправославной веры.

Для отправления религиозного культа оренбургские и уральские казаки-старообрядцы устраивали часовни, молельни и скиты. Во многих домах уральских казаков отводили под молельню комнату, которая называлась «образной» [3, с. 55]. Здесь богослужения проводили девицы или вдовы. В ОКВ в 1872 г. числилось до 15 молитвенных домов: 3 в Оренбургском, 4 в Троицком, 8 в Челябинском уездах [9, л. 109]. В УКВ во второй половине XIX — начале XX в. существовало несколько старообрядческих скитов. Две женских обители «австрийского согласия» располагались близ г. Уральска и имели своего постоянного священника.

Таким образом, большинство казаков Уральского и часть Оренбургского войск придерживались старообрядчества. Они принадлежали к разным течениям поповского и беспоповского направлений. Увеличение раскола в казачьей среде вызывало беспокойство властей, поэтому они пытались поставить под контроль его численность. Однако официальные цифры не отражали истинных масштабов распространения старой веры и были весьма условными.

Мы не располагаем численными показателями о сословном составе старообрядцев по гражданскому ведомству. Ведомости о раскольниках эту информацию не включали. К концу XIX в. губернаторские отчёты стали указывать сословную принадлежность старообрядцев только в случае их присоединения или соращения в раскол.

Значительная часть оренбургского купечества придерживалась «старой веры». К старообрядчеству принадлежали династии оренбургских купцов Коломкиных, Зубовых, Кобяковых, Мануйловых и т.д., в Челябинске — Толстых [31, с. 19]. Оренбургские купцы-старообрядцы осуществляли финансовую поддержку раскола. Средства шли на строительство, содержание молитвенных домов и причта, поддержку несостоятельных членов прихода. Это позволяло им принимать активное участие в жизни общины. Губернские власти отмечали наличие крепких связей между оренбургскими, московскими, нижегородскими и самарскими купцами. В г. Троицке раскол получил распространение с появлением там нижегородского купца Зарубина [8, л. 32].

В современной исторической науке наблюдается большой интерес к изучению старообрядческого предпринимательства, его значения в развитии отечественной экономики. К началу XIX века старообрядчество трансформировалось из конфессиональной в конфессионально-экономическую общность. Староверы стали организаторами и лидерами (в масштабах нескольких регионов страны) ряда ведущих отраслей промышленности и торговли. Успешная деятельность купцов-старообрядцев обусловлена особыми этическими нормами хозяйствования, выработанными внутри старообрядческой конфессии в начале XVIII века. В основе лежали представления о труде как о душеспаси-

тельном и богоугодном деле, направленном во благо общины, а значит, ради сохранения истинной веры [25, с. 260]. Старообрядцам свойственны корпоративизм, чувство единения и взаимопомощь единоверцам, воздержание и аскетизм, которые сформировались в условиях гонений [2, с. 245].

На общегосударственном уровне правительство действовало в рамках противораскольнической политики в ущерб экономическому развитию и препятствовало проникновению староверов в купеческое сословие. Только в 1863 г. были сняты все ограничения на запись староверов в купеческое состояние [31, с. 19]. Однако церковные власти осознавали значение купечества в поддержке и распространении раскола: «купец в расколе — это альфа и омега» [29, с. 451]. И в качестве мер борьбы с ним называли ограничения торговой деятельности и всех прав до их присоединения к православию, обучение «раскольничьих детей» в училищах в духе православной церкви [33, л. 52 об.]. На региональном уровне для оренбургских губернских властей важным моментом продолжала оставаться конфессиональная принадлежность купцов. В купеческих росписях купцов-раскольников заносили в отдельный список [31, с. 19].

Во второй половине XIX в. местные гражданские власти указывали на приверженность к старообрядчеству большинства заводских рабочих Оренбургской губернии. Среди заводского населения были распространены согласия и толки поповского и беспоповского направлений. Для них характерна обособленность и нетерпимость ко всему официально православному [27, с. 60]. Вместе с тем старообрядческие общины рабочих оренбургских заводов имели тесные контакты со своими единоверцами на заводах Пермской губернии. Как отмечал ряд исследователей того времени, быт заводских рабочих-староверов отличался такими положительными чертами, как энергичность, трудолюбие и предприимчивость. Недостатки его проявлялись прежде всего в нелепых суевериях, жёсткой регламентации действий в повседневной и религиозно-обрядовой жизни [36]. К началу XX в., по отзывам оренбургских преосвященных, раскол был многочисленным на Белорецком и Тирлянском заводах Верхнеуральского уезда, Миасском заводе Троицкого уезда [17, л. 40 об.].

Основную часть старообрядческого населения в Оренбургской епархии составляло крестьянство. Подъём религиозной активности среди крестьян-старообрядцев наблюдался накануне отмены крепостного права и в пореформенный период. Из опасения быть наказанными помещиком или властями большинство крестьян тайно придерживались раскола, сохраняя внешнюю видимость принадлежности к официальному православию. Наглядно об этом свидетельствовали массовые переходы в 1857 г. в раскол крестьян Челябинского уезда после распространённого там подложного указа Св. Синода о разрешении свободно исповедовать старообрядчество [35, с. 308]. Совращения крестьян в раскол после реформы 1861 г. были обусловлены выходом из крепостной зависимости, начавшимися миграционными процессами и, в связи с этим, возросшей активностью старообрядческих проповедников из соседних губерний [13, л. 19 об.].

Во второй половине XIX столетия в крестьянской среде были распространены преимущественно беспоповские согласия. При этом характерная для крестьян-староверов религиозная замкнутость и обособленность постепенно ослабевала. Но отдельные случаи проявления религиозной нетерпимости имели место. Так, в 1866 г. крестьянин Челябинского уезда Семён Пономарёв открыто обличал царя как антихриста и заявлял о безблагодатности РПЦ [34, л. 94]. Интересно, что для гражданских властей смягчающим обстоятельством являлся его религиозный фанатизм. Это говорит о трансформации взглядов правительства на раскол как явление крайне опасное для государства в сторону толерантного к нему отношения.

Таким образом, статистические сведения позволяют определить место, занимаемое старообрядчеством в религиозном пространстве Оренбургской епархии изучаемого периода. Наряду с другими православными конфессиями (официальное православие, единоверие) по количеству последователей старообрядчество занимало второе место и составляло в среднем около 6%. На общеконфессиональном уровне численность староверов в исследуемом регионе составляла в среднем 3% от общего числа населения, они занимали третье место после православных и мусульман.

Статистические источники позволяют выявить динамику развития внутри старообрядческой конфессии, для которой во второй половине XIX — начале XX в. был характерен процесс перехода поповцев на позиции беспоповства; образование старообрядческого сектантства, появление новых согласий и толков как регионального (никудышников, митрофановцев), так и общероссийского уровня (странников). Увеличение численности старообрядческого населения, прежде всего беспоповского направления, происходило за счёт естественного, миграционного, миссионерского факторов.

Социальный состав оренбургского старообрядчества представлен крестьянством, купечеством, казачеством, горнозаводскими рабочими. Однако основу оренбургского старообрядчества составили преимущественно два крупнейших сословия — казачество и крестьянство, для которых были особенно характерны консервативное следование установленным согласиям правилам и обрядам как в общественно-бытовой, так и в религиозной жизни.

Несмотря на то что статистические данные являются одним из основных источников по истории старообрядчества, система статистического учёта старообрядцев имела ряд существенных недостатков. Так, к началу XX столетия официальные власти так и не смогли создать эффективной методики сбора информации о старообрядчестве. Некомпетентность чиновников и духовенства, сознательное занижение ими количественных показателей, наконец, нежелание самих старообрядцев объявлять о своей принадлежности к старообрядчеству из опасений преследования вносили в официальную статистику о расколе существенный субъективный элемент.

Итак, Оренбургская епархия стала регионом, где староверие получило значительное распространение. Проникновение старообрядческого населения в исследуемый регион происходило параллельно с экономическим освоением края. В Оренбургской епархии были представлены самые разнообразные старообрядческие согласия и толки, которые распределялись по указанной территории под влиянием целого ряда факторов. Специфической чертой старообрядческой конфессии как на общероссийском, так и региональном уровне являлась её организационная раздробленность. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. старообрядчество проявляло неуклонную тенденцию к увеличению, при этом значительная его часть находилась в Оренбургском, Троицком, Челябинском уездах Оренбургской губернии и в Уральской области. Социальный состав оренбургского старообрядчества включал самые разные слои населения, среди которых наиболее многочисленными были крестьянство и казачество.

Наличие среди населения Оренбургской епархии значительной доли последователей старообрядчества вызвало необходимость организации со стороны епархиальных и светских властей системы контроля за его состоянием, а также проведения мероприятий, направленных на возвращение старообрядцев в лоно официального православия.

Список использованных источников и литературы

1. Агеева Е. А. Приходская жизнь и история староверия по церковным летописям второй половины XIX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 3—16.

2. Ананьич Б. В. Предпринимательство в России (религиозно-национальный аспект) // Экономическая история России XIX—XX вв.: Современный взгляд. М., 2001. С. 243—253.
3. Витевский В. Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и XIX в. Казань, 1878. 250 с.
4. Всеподданнейший отчёт об Оренбургском казачьем войске за 1895 г. II. Часть гражданская. Оренбург, 1895. 90 с.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 14310/13.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14572/6.
7. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 95.
8. ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 97.
9. ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 128.
10. ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 160.
11. ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 18, ч. 1.
12. ГАОО. Ф. 172. Оп. 3. Д. 2003.
13. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 8328.
14. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9435.
15. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9409.
16. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10569.
17. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10580.
18. ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 34.
19. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 218.
20. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 297.
21. Данилко Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002. 219 с.
22. Камзина А. Д. Миссионерская деятельность РПЦ среди старообрядчества как предмет отечественной исторической науки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5. С. 129—137.
23. Камзина А. Д. Проблема истории старообрядчества и борьбы с ним русской православной церкви в трудах дореволюционных и советских исследователей // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 2 (48). С. 128—134.
24. Камзина А. Д. Старообрядческие согласия и толки на территории Оренбургской епархии в XIX — начале XX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 4 (38). С. 13—20.
25. Керов В. В. Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства // Экономическая история России XIX—XX вв.: Современный взгляд. М., 2001. С. 254—264.
26. Кириллов И. А. Статистика старообрядчества. М., 1913. 26 с.
27. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971. 286 с.
28. Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892—1914 гг.). Самара ; Оренбург, 2007. 750 с.
29. Миссионерское обозрение. СПб., 1899.
30. Оренбург в медико-топографическом исследовании д-ра М. М. Кенигсберга // Оренбургский листок. 1887. № 13.
31. Пашкова О. Н. Временно-оренбургские купцы: кто они? // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2002. № 1 (27). С. 16—24.
32. Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. Разработано Центральным Статистическим Комитетом МВД. По данным Первой Всеобщей переписи 1897 г. 1901.
33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 547. Оп. 2. Д. 2173.
34. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 2208.
35. Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855—1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1998. 308 с.
36. Татарин Д. И. Воспоминания // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып. 2. С. 4—6.
37. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф. И-6. Оп. 2. Д. 65.
38. Чернавский Н. Оренбургская епархия в её прошлом и настоящем // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. 7.

Поступила в редакцию 10.05.2013 г.

Камзина Алина Джанаровна, кандидат исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: djanarka@yandex.ru

UDC 94(47).083

A. D. Kamzina

**Numerical strength and social composition of Old Believers of the Orenburg diocese
in 19th — beginning of the 20th centuries**

The article is devoted to the issues of numerical strength and social composition of Old Believers in the 19th — beginning of the 20th century. The author draws attention to the complexity of statistical recording of Old Believers, the objective and subjective factors affecting the official statistics, the difference in the indicators presented by the secular and ecclesiastical authorities.

Key words: Old Belief, Russian Orthodox Church, Orenburg diocese, Orenburg province, statistics, social composition.

Kamzina Alina Dzhanarovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: djanarka@yandex.ru